

Глава 41. Семья Мэй

Переносить имя и любовь к усопшей возлюбленной на другого, похожего на неё человека, — это осквернение памяти, какие бы причины за этим ни стояли.

Ду Юньсэ никогда бы так не поступил, ни по какой причине. К счастью, он не император, а его братец Хуа всегда будет рядом.

— Панты и гриб линчжи, что принёс Шилиу, идеально подходят для рецепта старого господина Гу. Позже я съезжу в город и куплю остальные травы. Чем раньше начать укреплять организм ценными лекарствами, тем лучше будет эффект.

Лекарственные травы, доставленные юношей, действительно оказались для Ду Юньсэ спасением, но в то же время заставили его ещё глубже осознать, что он — лишь пешка, и каждый его шаг находится под контролем той пары, что правит из столицы: отца-императора и сына-наследника.

Стоило Цю Хуаняню узнать в столице префектуры о слабости своего организма, как Шилиу тут же отправился из Цзинчэна с лекарствами. Это был и знак благоволения, и проявление заботы, но вместе с тем — скрытое напоминание и предостережение.

Наследный принц намекал ему, что он ещё не полностью утратил благосклонность государя, а также давал понять, что император уже давно определил Ду Юньсэ в его лагерь. Старший сын семьи Ду был умным человеком, поэтому гостю достаточно было просто доставить лекарства, не говоря и не делая ничего лишнего.

Воле государя трудно противиться, а помыслы его неисповедимы. Подданный не вправе отказаться, даже если желает того.

Ду Юньсэ оставалось лишь усердно доказывать свою ценность в этой игре, где полем служила вся Поднебесная, делать верный ход на каждом шагу, хвататься за возможности, скрытые за риском, и вести свою семью к лучшей жизни.

— Даже с основными компонентами, остальные травы обойдутся недёшево, — вздохнул Цю Хуанянь.

По самым точным подсчётам, новый дом вместе с мебелью и обстановкой требовал двадцати двух лянов серебра, что значительно превышало первоначальную оценку в пятнадцать лянов для строительства кирпичного дома в деревне.

Впрочем, цена была оправданной. Усадьба с двумя дворами и садом, спроектированная Цю Хуанянем, была далека от обычных деревенских построек.

Родовой дом — основа семьи. Построив его один раз как следует, можно будет пожинать плоды десятилетиями. Деньги хоть и большие, но потрачены не зря.

Из двадцати семи лянов серебра, что были у них раньше, осталось всего четыре. Однако за последние двадцать дней торговля сорговыми ирисками принесла ещё более четырёх лянов, восполнив пробел. Траты есть, но есть и доходы, так что в финансовый кризис они не попадут.

— Линчжи и панты нельзя принимать в больших количествах. Рецепт старого господина Гу рассчитан на один приём в три дня, так что привезённого Шилиу хватит надолго. Давай пока потратим два ляна серебра на десять доз, а там посмотрим.

Говорят, долгая болезнь делает из человека лекаря. Цю Хуанянь хоть и не был «долго болен», но уже успел выяснить цены на все травы.

— Братец Хуа, не жалея денег. Твоё здоровье — самое главное.

Юноша с улыбкой кивнул и под покровом ночи прижался к Ду Юньсэ. Их окутывал оглушительный стрекот цикад.

Ду Юньсэ, расправив руки, крепко обнял своего муженька, словно забыв, что они находятся на улице, забыв о врождённой сдержанности и правилах приличия.

Цю Хуанянь незаметно для него самого изменил его.

Шилиу жил в задних служебных постройках. Ду Юньсэ и остальные его не беспокоили, а сам он появлялся впереди лишь во время еды, каждый раз принося с собой какую-нибудь добычу: то кроликов, то лисиц, так что у Цю Хуаняня скопилось уже несколько шкурок.

Однажды вечером, так и не дождавшись гостя к ужину, Цю Хуанянь уже собрался пойти проверить его, как тот вдруг появился сзади, волоча за собой небольшого кабана. Животное было размером со взрослого человека в объёме, а из раны на шее всё ещё сочилась кровь, свидетельствуя о том, что охотник убил его одним точным ударом.

Кабаны ходят стадами, и в горах за Деревней семьи Ду таких крупных зверей не водилось. Цю Хуанянь понял, что Шилиу ходил куда-то далеко, и целью его, вероятно, была не охота, но расспрашивать не стал.

Мяса у молодого кабана было немного, после разделки вышло чуть больше пятидесяти цзиней, зато оно было нежным и не таким жёстким, как у взрослого животного.

Летняя жара стояла невыносимая, и без холодильника мясо хранить было трудно. Из этого объёма Цю Хуанянь десять цзиней пустил на вяленое мясо для своей семьи, пять оставил на еду, ещё пять раздал соседям, с которыми был в хороших отношениях, а оставшиеся тридцать с лишним отнёс продавать в городок.

Молодые кабаны всегда ходят со взрослыми, и людей, способных добыть их в Городке Цинфу, было немного. Тридцать с лишним цзиней мяса разошлись быстро, да ещё и по цене выше, чем обычная свинина.

Мясо дикого кабана стоило сорок вэней за цзинь, а потроха ушли за пятнадцать вэней за цзинь. В итоге вышло полтора лян серебра.

Шилиу не интересовало, как распоряжаются его добычей, и он по-прежнему появлялся лишь во время еды.

Так прошло несколько дней. Однажды, когда Цю Хуанянь сидел в кабинете и что-то рисовал, к нему ворвалась Вэй Люхуа.

Увидев её вспотевшее лицо, юноша усадил её и налил воды.

— Успокойся сначала, говори не спеша.

Но Вэй Люхуа не могла ждать. Переведя дух, она выпалила:

— Братец Хуа, мои свёкор со свекровью... они вернулись!

Цю Хуанянь удивлённо вскинул брови. Госпожа Чжао и остальные вернулись?

После провинциальных экзаменов семью Ду Юньцзина слуги из резиденции сюэчжэна Фэна насильно задержали для подготовки к свадьбе. Прошло уже больше двадцати дней, и торжество, надо полагать, уже состоялось.

— Все вернулись?

— Все! Ду Юньцин, Ли Гуэр и Фубао тоже. Приехали на повозке с мулом со стороны Уезда Чжан. Моя хорошая соседка случайно их увидела и тут же прибежала мне сказать, так что я успела выскочить раньше. Сейчас они, наверное, уже дома.

Вэй Люхуа несколько месяцев жила спокойно, и возвращаться к прежней жизни ей совсем не хотелось. Она знала, что случилось с семьёй свекрови в столице префектуры. Благодаря стараниям Мэн Фуюэ, об этом знала и большая часть деревни. Зная характер госпожи Чжао, можно было не сомневаться, что она непременно сорвёт злость на семье старшего сына.

Вэй Люхуа достала из-за пазухи кошелёк и положила его на стол.

— Братец Хуа, это лян и три цянтя серебра, что я накопила за эти месяцы, продавая сахарную свёклу и занимаясь рукоделием. Как только они вернутся, я не смогу уберечь эти деньги. Я могу доверять только тебе.

Женщина на глазах у Цю Хуаняня высыпала серебро, пересчитала и снова убрала в кошелёк. Эти деньги она собирала по одной медной монетке, меняла на серебро и прятала. Это была вся её надежда на будущее, её и Ю-гээр, и она не позволит никому их отнять!

— Оставь у меня, — кивнул юноша. — Заберёшь, когда будет удобно.

Решив вопрос с накоплениями, Вэй Люхуа поспешила домой. Ю-гээр остался один, а с возвращением этих людей она за него очень беспокоилась.

Семья госпожи Чжао, набившись в одну повозку, вернулась в деревню. Уезжали они, полные корыстных замыслов и самодовольства, а вернулись — с мрачными лицами, не проронив ни слова.

Ли Гуэр уложила волосы в причёску замужней женщины. Перед въездом в деревню свекровь шевельнула губами, словно хотела обругать невестку или велеть ей спрятать лицо, но в итоге промолчала.

За какие-то двадцать с небольшим дней госпожа Чжао постарела лет на десять, и лицо её стало измождённым.

Увидев очертания домов, Ду Баоцюань глубоко вздохнул и дрожащим голосом произнёс:

— Вернулись... наконец-то вернулись.

Ду Юньцин же по-прежнему сидел с каменным лицом, не сводя глаз с вращающихся колёс. Его вид так напугал Фубао, который уже собирался было закатить скандал, что тот не осмелился издать ни звука.

Деревня семьи Ду... Место, где живёт Ду Юньсэ... Найдётся ли ему здесь пристанище?

Второй сын семьи Ду чувствовал, что взгляды односельчан были странными, полными любопытства и злорадства. И неудивительно. Его старший брат давно вернулся в деревню. Разве он мог стерпеть его присутствие? Наверняка уже расписал в красках всё, что произошло в Сянпине, и разнёс повсюду.

Судя по себе, Ду Юньцин ненавидел брата до такой степени, что готов был сожрать его плоть.

От гнева, стыда и досады у него потемнело в глазах, и он выкашлял полный рот крови.

— Муженёк, ты в порядке? — Ли Гуэр с нежностью протянула ему платок.

Тот с силой схватил её за руку, оставив на бледном запястье багровый след, но супруга даже не пискнула. Юноша вытер губы о её кожу, размазав кровь. Его лицо стало ещё более зловещим.

И с таким видом он мягко улыбнулся:

— Не волнуйся, жёнушка. Всё в порядке.

Вернувшись домой, семья Ду Юньцзина заперлась и не выходила. Жители деревни хоть и жаждали зрелищ, но нарываться на неприятности не хотели.

Цю Хуанянь не знал и не хотел знать, что происходит у родственников. Под присмотром Главы клана Вэй Люхуа не должна была сильно пострадать. Пусть они там скандалят сколько угодно, на его нынешнюю жизнь это никак не влияло.

Всё его внимание теперь было сосредоточено на защите хлопка. Укусный осадок из уезда уже привезли. Лавка пряностей Хуан Эннян была продана другому владельцу, но это не помешало им купить сырьё.

Цю Хуанянь закупил его сразу и для Ду Чжэньхэ, и для Юнькана. Поскольку заказ был большим, хозяин пообещал каждые десять дней привозить новую партию осадка в деревню, избавляя их от лишних поездок.

Кроме того, юноша смастерил несколько примитивных распылительных устройств для опрыскивания хлопка разведённым биоферментом.

Без пластика сопло распылителя пришлось делать из дерева. Это была кропотливая работа, но Цю Хуанянь, понемногу занимаясь этим каждый день, сделал четыре штуки. Резинового шланга, конечно же, не было, и ему пришлось заменить его тщательно промытыми свиными кишками. Оба конца он туго перевязал пеньковой верёвкой, чтобы не было утечек.

Цю Хуанянь придумал приводной механизм. Во время работы жидкость заливалась в деревянный бак, пропитанный тунговым маслом. Нажимая ногой на педаль рядом с баком, можно было заставить струю подниматься по трубке и распыляться через сопло. Такой распылитель был гораздо удобнее и равномернее ручного полива. Финальное изделие было плодом его кропотливого труда.

Шилиу с интересом наблюдал за работой. Когда Цю Хуанянь испытывал устройство, он молча стоял рядом.

— Господин Шилиу, хотите попробовать? — обратился к нему юноша.

Тот покачал головой и сказал:

— Ты очень умён.

— Пустяки, всего лишь маленькая хитрость, — скромно ответил Цю Хуанянь.

— Ты позволишь мне доложить об этом моему господину? — спросил Шилиу.

Доложить наследному принцу? Из-за какого-то распылителя? Цю Хуанянь всё больше переставал понимать этого человека.

— Кроме распылителя, ещё и хлопок, — добавил Шилиу, на удивление разговорчивый. — Если твои слова верны и по твоему методу в климате Уезда Чжан можно будет получать богатый урожай, мой господин может испросить для тебя титул Цишу-сяньчжу.

«Во-первых, в последнее время я ни разу не упоминал о богатом урожае. Значит, он тайно многое о нас разузнал.

Во-вторых, ценность метода хоть и была высока, но я, простой человек, никак не мог за это получить дворянский титул. Чтобы добиться этого, наследному принцу придётся приложить немало усилий.

И, наконец, почему он вдруг стал так заботиться обо мне?»

Цю Хуанянь не стал скрывать своего недоумения, но Шилиу не объяснился и снова спросил:

— Так каково твоё мнение?

— Я изучаю, как выращивать хлопок, для того, чтобы безвозмездно передать этот метод всем людям Поднебесной, чтобы больше простого народа могло позволить себе одежду. Я живу честно и праведно. А доложит ли об этом господин Шилиу или нет — неважно.

Тот кивнул.

— Я останусь ещё на три дня. Посмотрю, как ты избавишься от вредителей, и уеду.

Даже о том, что он планировал в течение трёх дней испытание биофермента, гость знал. Теперь Цю Хуаняню было ясно, чем тот так занят. Шилиу повернулся, чтобы уйти, но юноша, поколебавшись, окликнул его:

— Господин Шилиу, я не стану лицемерить и говорить, что не хочу титула. Но и без этого я смогу хорошо жить своими силами. Если это дело будет для тебя в тягость и может подвергнуть тебя опасности, прошу, не принуждай себя. Беречь себя важнее.

Тот не обернулся. Несколько раз Цю Хуаняню казалось, что он вот-вот что-то скажет, но в итоге Шилиу лишь ускорил шаг и покинул передний двор. Глядя на его спину, юноша почувствовал, как на сердце стало грустно.

Лишь вернувшись в задние постройки, Шилиу прижал руку к сердцу. Это место, которое, как он думал, давно перестало болеть, теперь бешено колотилось в груди.

Это была не новая рана, а старая боль, что никогда не покидала его. Запечатанная на долгие годы, она вдруг пробудилась от давно забытого слова заботы.

Цю Хуанянь...

Шилиу не знал, как к нему относиться, к этому человеку, который, возможно, был его последним кровным родственником. Он искал не его. Но его старшая сестра, перенеся бесчисленные нечеловеческие муки, превратилась в груды костей, страдая до самого последнего мгновения.

В то время он сам выживал в учебном заведении при дворце, терпя суровые тренировки, учась верности и жертвованию собой, чтобы стать смертоносной тенью. Опытные наставники никогда не ошибались. Он действительно стал послушным ястребом. Только так можно было выбраться оттуда.

Он потерял своё имя. Верная собака не может носить его. Но в глубине души он всё ещё лелеял надежду — найти старшую сестру, которая перед истреблением Семьи Мэй отправилась за город возжигать благовония и пропала без вести. Он нашёл. Но опоздал на целых тринадцать лет.

Она оставила ребёнка — гээр, который так похож на неё, умный и трудолюбивый, без малейшего следа подлой отцовской крови. Но Шилиу всё равно не хотел его признавать. Он упрямо не хотел рассказывать этому ничего не знающему юноше о прошлом.

Однако, услышав слова заботы от Цю Хуаняня, он почувствовал беспомощную боль...

Шилиу закрыл глаза, как вдруг услышал за спиной странный шорох. Он молниеносно обернулся, и рука его уже коснулась спрятанного в рукаве оружия.

— Ты?

Увидев за спиной Чуньшэна, он незаметно убрал кинжал и спросил, зачем тот пришёл. Мальчик нервно сглотнул, всё ещё побаиваясь гостя. Но ради своего желания он собрал мужество.

— Дядюшка Шилиу, ты... ты можешь научить меня охотиться?

До приезда этого человека кумиром ребёнка был Мэн Удун, который умел ловить кроликов в силки. Теперь этот объект поклонения сменился.

— Зачем ты хочешь научиться охотиться?

— Если я смогу, как дядюшка, каждый день приносить столько добычи, то смогу заработать много денег, как сестра, помогать семье, и братец Хуа будет и дальше меня баловать, а старший брат не будет заставлять меня учиться!

Шилиу нахмурился и холодно спросил:

— Ты считаешь, что Цю Хуанянь к тебе плохо относится?

— Нет! — тут же взвился Чуньшэн. — Я не говорил так! Просто... просто все в семье такие умелые. Я не умею готовить, не умею вышивать, в учёбе я хуже Юнькана, я... я такой бесполезный, братец Хуа потом, может быть... может быть, захочет более способного ребёнка.

Шилиу, прошедший через интриги дворца, мог одним лишь своим видом напугать до слёз обычного ребёнка. Опомившись, он немного смягчился, хотя голос его всё равно звучал прохладно.

— Твои два старших брата не такие. В твоём возрасте лучше усердно учиться.

Чуньшэн опустил голову. Слёзы всё ещё блестели на его ресницах, но он упрямо не уходил.

Шилиу смотрел на него и вдруг увидел себя в прошлом. До страшных событий он был таким же наивным, избалованным семьёй, не знающим забот. В семь лет граница внезапно пала. Его дед, бывший комендантом, погиб на стене, вся Семья Мэй была вырезана. Когда донесение дошло до двора, деда обвинили в халатности. А он, единственный выживший, был забран во дворец.

Он смотрел на Чуньшэна. Ребёнок был так наивен и глуп, и это вызывало в нём непреодолимое желание...

— Охота — это всего лишь добыча зверей ради нескольких монет. Не стоит того, чтобы я тебя этому учил.

— А чему дядюшка хочет научить? — взволнованно спросил мальчик.

Шилиу выхватил из рукава кинжал. Словно вспышка воды, лезвие сверкнуло и вонзилось в землю на целый чи у ног Чуньшэна.

— Убивать.

<http://bllate.org/book/15363/1416008>